

СООБЩЕНИЯ

М. А. ЗАБОРОВ

К ВОПРОСУ О ПРЕДИСТОРИИ ЧЕТВЕРТОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА

Четвертый крестовый поход привлекал внимание как русской, так и западной буржуазной историографии. Его история была предметом изучения советских медиевистов.¹ Интерес историков к проблеме четвертого крестового похода станет понятным, если принять во внимание, что этот поход, происходивший в сложной международной обстановке конца XII — начала XIII вв., закончился в 1204 г. разгромом Византии и образованием Латинской империи, что он явился, как это установила советская историография, наиболее ярким проявлением грабительских устремлений западноевропейских феодалов и католической церкви в крестоносном движении.

Центральное место в исследованиях, посвященных истории четвертого крестового похода, всегда занимал вопрос о причинах так называемого отклонения крестоносцев к Константинополю. Буржуазные ученые собрали значительный материал источников для разрешения этого вопроса, так что к настоящему времени основные факты истории четвертого крестового похода выяснены с достаточной полнотой. Крупная заслуга в этом отношении принадлежит русским историкам (В. Г. Васильевский, Ф. И. Успенский, П. Митрофанов), которые доказали несостоятельность искусственных и односторонних построений западноевропейских буржуазных ученых и наметили правильный путь разрешения некоторых важных проблем истории четвертого крестового похода.² Однако и до сих пор в истории этого похода сохраняются „белые пятна“. Поэтому установление всей совокупности причин „отклонения“ крестоносцев на Константинополь все еще продолжает оставаться в ряду задач, стоящих перед историком крестовых походов.

Необходимость возможно более полного выяснения обстоятельств, определивших „перемену направления“ четвертого крестового похода, является тем более настоятельной, что в новейшей буржуазной

¹ См. М. В. Левченко. История Византии, М.—Л., 1940, стр. 224—230; В. В. Стоклицкая-Герешкович. Борьба западноевропейских государств за преобладание на Средиземном море в эпоху крестовых походов. „Изв. АН СССР“, серия истории и философии, 1944, № 5, стр. 211—221; М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в., „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 152—177.

² См. М. А. Заборов. Крестовые походы в русской буржуазной историографии. „Византийский Временник“, т. IV, 1951, стр. 176 и сл.

историографии предпринимаются упорные попытки фальсифицировать историю этого наиболее „выдающегося“ из захватнических предприятий западноевропейских феодалов, именуемых крестовыми походами. Они проявляются, в частности, в стремлении ряда историков вернуться к старой, давно отвергнутой даже отдельными буржуазными учеными (П. Риан, Л. Штрейт, В. Норден, П. Митрофанов и др.) и, казалось бы, погребенной в архивах, теории „случайностей“. Эту теорию, назначение которой состояло и состоит в том, чтобы оправдать захват Константинопля крестоносцами, объявив его плодом сфепления случайных обстоятельств, во 2-й половине XIX в., отстаивали Н. де Вайи, Ж. Тессье и другие ученые защитники колониальной экспансии французского капитализма на Востоке. В новейшее время ее пытались возродить исследователи, выступающие в неприглядной роли апологетов империализма: реабилитация крестоносцев, захвативших в 1204 г. Константинополь, составляет одну из основных тенденций работ Э. Фарала¹ и Ш. Диля,² Л. Брейе³ и Ж. Лоньона.⁴

Интересы исторической истины требуют восстановления — на основе объективных фактов, засвидетельствованных источниками, — подлинного хода событий, приведшего западноевропейских захватчиков под стены византийской столицы. Как известно, „своеобразный исход“ четвертого крестового похода был обусловлен взаимодействием многообразных причин, коренившихся, в последнем счете, в переплетении определенных экономических и политических интересов и противоречий различных западноевропейских государств и Византии в начале XIII в. В этой связи весьма важное значение при решении вопроса об „уклонении крестоносцев с пути“⁵ приобретает исследование дипломатической истории и особенно — предистории похода: в ней получили яркое выражение международные отношения и противоречия на Средиземном море, которые оказали непосредственное влияние на ход и результаты крестовосной экспедиции.

В настоящей работе сделана попытка рассмотреть один из этапов дипломатической предистории четвертого крестового похода, а именно — выяснить роль франко-германской дипломатии в подготовительной стадии похода. Она особенно отчетливо проявилась при избрании предводителем крестоносного ополчения маркиза Бонифация Монферратского. Как известно, Бонифаций Монферратский сыграл активнейшую роль в судьбах крестоносного предприятия 1202—1204 гг.: он явился одним из непосредственных инициаторов „поворота“ крестоносцев к Константинополю. Но за ним стояли более могущественные силы феодального Запада. Изучение обстоятельств избрания Бонифация вождем крестоносцев позволит уяснить некоторые стороны „тайной истории“ четвертого крестового похода. Именно поэтому автор сосредоточил свое непосредственное внимание на этом эпизоде предистории похода. Разрешение этого вопроса, который сам по себе может показаться частным

¹ E. Faral. Geoffroy de Villehardouin. La question de sa sincérité, *Revue historique*, vol. 177, № III, Paris, 1936.

² C. Diehl. La quatrième Croisade („Histoire générale... par M. Glotz, Histoire du moyen âge“, t. IX, 1-re partie). *Et o ж e. L'Europe orientale de 1081 à 1453*, Paris, 1945, p. 123—138, особенно p. 128.

³ L. Bréhier. *Vie et mort de Byzance*, Paris, 1947, p. 363.

⁴ J. Longnon. *L'empire latin de Constantinople et la principauté de Morée*, Paris, 1949, особенно p. 24—28. См. А. Я. Гуревич. Фальсификация истории Латинской империи, „Византийский Временник“, т. V, 1952, стр. 284—290.

⁵ Выражение Инокентия III (*Epistolarum Innocentij III Romani pontificis libri undecim*, ed. St. Baluzii, t. I, Parisiis, 1682, lib. V, № 161).

и второстепенным, на самом деле, как мы увидим, имеет немаловажное значение для понимания всей истории крестоносной экспедиции 1202—1204 гг.; разумеется, оно должно явиться лишь звеном в цепи исследований, направленных на заполнение пробелов, еще сохраняющихся, как было отмечено выше, в истории четвертого крестового похода. В этом смысле настоящая статья непосредственно примыкает к нашей работе „Папство и захват Константинополя крестоносцами в начале XIII в.“, опубликованной в предшествующем томе „Византийского Временника“. Установление обстоятельств избрания Бонифация поможет составить более отчетливое, чем это было до сих пор, представление о подготовке и развитии четвертого крестового похода, о действительных — тайных и явных — *auctores et actores rerum* в событиях 1199—1204 гг., и тем самым опровергнуть фальсификаторские домыслы буржуазной историографии, ныне открыто ставшей на службу захватническим планам американских империалистов.

I

Известно, что первоначально крупнейшие французские феодалы, откликнувшись на призыв Иннокентия III к крестовому походу, избрали своим предводителем графа Тибо Шампанского (1199 г.). Но в самый разгар подготовки похода, 24 мая 1201 г. Тибо Шампанский скончался. Баронам-крестоносцам предстояло избрать нового руководителя.

Вопрос о преемнике Тибо Шампанского сразу же приобрел большое политическое значение, выходящее за рамки непосредственных интересов одних только участников крестового похода. Дело в том, что к 1201 г. крестовый поход становится одним из важнейших событий международной политики. При дворе германского короля Филиппа Швабского, в Венеции, а также в Римской курии стали возникать планы использования крестового похода в направлении, весьма далеком от того, которое являлось его официальной целью. Не Египет и не „Святая земля“, а Константинополь, к захвату которого стремилась Венеция и богатства которого издавна манили жадные взоры французских, немецких и итальянских феодалов, равно как и главы католической церкви, — Константинополь становится в 1200—1201 гг. прямым объектом хищных вожаделений западных государств. Об этом свидетельствуют: во-первых, договор, который в апреле 1201 г. крестоносцы заключили с Венецией,¹ — он открывал перед венецианцами широкие возможности в смысле использования крестоносного воинства в своих экономических и политических интересах, т. е. для превращения „крестоносной глупости“ в „торговую операцию“;² во-вторых, усиленные переговоры Филиппа Швабского с бывшим византийским императором Исааком II Ангелом, которые происходили как раз в это время: как известно, германский король стремился использовать свои родственные связи с домом Ангелов (он был женат на дочери Исаака II Ангела — Ирине)³ для овладения византийским престолом; наконец, в-третьих, переписка Иннокентия III с византийским двором и Венецией: папа еще

¹ Текст договора (*Pacte de nolis*) см. в кн. G. L. Tafel und G. M. Thomas. *Urkunden zur älteren Handels- und Staatsgeschichte der Republik Venedig, I Theil, Wien, 1856, S. 362 ff.*

² К. Маркс. Хронологические выписки. Архив К. Маркса и Ф. Энгельса т. V, стр. 194.

³ *Nicetae Choniatae Historia*, ed. Bonn, 1835, p. 710—711.

в 1199 г. угрожал византийскому императору Алексею III восстановлением Исаака Ангела в случае, если он (т. е. Алексей III) не даст согласия на церковную унию и на активное участие сил Византии в крестовом походе.¹

Естественно, что при этих условиях вопрос о новом предводителе крестоносного войска получал важное значение прежде всего для тех, кто замышлял, по выражению Ф. И. Успенского, сделать из крестоносцев молот, а из Константинополя — наковальню:² если и не всё, то, во всяком случае, многое при осуществлении этих проектов могло зависеть от руководства крестоносным войском, от его вождя. Вот почему вопрос о замещении неожиданно умершего Тибо Шампанского не мог не беспокоить политиков, которые связывали с крестовым походом отнюдь не „благочестивые“ надежды. Им нужно было прежде всего подобрать такого предводителя крестоносцев, который был бы наиболее пригоден для исполнения их антивизантийских планов, а затем навязать эту кандидатуру крестоносному ополчению, — именно навязать, так как избрание вождя похода формально являлось делом самих крестоносцев, точнее говоря, совета крупнейших французских баронов, изъявивших намерение отправиться на „освобождение Святой земли“.

Что касается подбора подходящего кандидата, то эта задача была решена сравнительно просто. Преемник Тибо Шампанского был определен при дворе германского короля Филиппа Швабского, который в этот момент выступил в качестве наиболее активного из закулисных вершителей судеб крестоносной экспедиции: предводителем был назначен маркиз Бонифаций Монферратский.

Родственник Филиппа Швабского,³ он был с ним тесно связан в политических делах: Бонифаций поддерживал германского короля еще в 1200 г., в самом начале междоусобной войны Штауфенов и Вельфов, разгоревшейся в Германии после смерти Генриха VI.⁴

Но как добиться того, чтобы Бонифаций был избран вождем самими крестоносными сеньорами? Каким путем сделать так, чтобы при выдвижении кандидата на пост предводителя ополчения выбор баронов пал именно на маркиза Монферратского? — Это была нелегкая задача, но в конечном счете она была решена, и Бонифаций встал во главе крестоносного войска.

Каким же образом и кем было найдено это решение?

II

Вопрос об избрании Бонифация Монферратского вождем крестоносцев долгое время вызывал в литературе недоумение. Совсем недавно Луи Брейе высказал крайне скептическую точку зрения относительно возможности разрешить этот вопрос, заявив, что история никогда не узнает об этом.⁵ Между тем, источники позволяют разобраться, если не до конца, то, по крайней мере, частично, в этом, на первый взгляд действительно загадочном эпизоде предистории четвертого крестового

¹ См. подробно М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя, стр. 156—157.

² Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 367.

³ См. D. Brader. Bonifaz von Montferrat bis zum Antritt der Kreuzfahrt (1202). Berlin, 1907, S. 158.

⁴ См. E. Winkelmann. Philipp von Schwaben und Otto IV von Braunschweig, Bd. I, Leipzig, 1873, S. 169, 277.

⁵ L. Bréhier. Ук. соч., p. 366.

похода. Причем открывается чрезвычайно любопытная картина, показывающая сложный узел международных отношений, завязавшийся вокруг экспедиции, подлинной целью которой являлось завоевание Константинополя; выявляются новые факты, которые подтверждают, что замыслы организаторов похода — руководителей ряда феодальных государств Западной Европы — с самого начала имели антивизантийскую направленность.

Обратимся к источникам.

Историю избрания Бонифация предводителем крестового похода предствляют обычно по данным Жоффруа Виллардуэна, маршала Шампанского, видного участника четвертого крестового похода, сочинение которого „Завоевание Константинополя“, несмотря на его крайнюю тенденциозность, является одним из важнейших источников по этому вопросу. По сообщению этого источника, дело происходило следующим образом.

После смерти графа Тибо Шампанского в Суассоне состоялось несколько совещаний крупнейших сеньоров, в числе которых был и сам Виллардуэн. На этих совещаниях обсуждался вопрос о том, кого поставить во главе крестоносного войска. Были сделаны предложения нескольким лицам, в частности, герцогу Одону III Бургундскому и графу Теобальду из Бара. Но они под разными предлогами (о которых, заметим попутно, Виллардуэн ничего не сообщает) отклонили эти предложения. Затем, словно по мановению волшебной палочки, на сцену выступает Бонифаций Монферратский. Его кандидатуру выдвинул не кто иной, как сам Виллардуэн. Естественно, возникает вопрос: что заставило его это сделать?

По причинам, которые будут ясны из последующего анализа источников, сам Виллардуэн обходит вопрос, о мотивах, побудивших его выставить кандидатуру маркиза Монферратского. Из его рассказа видно только, что он обосновывал свой совет избрать Бонифация ссылками на личные достоинства последнего, говоря, что „*marquis Bonifaces de Monferrat est mult prodome et uns des plus prisiez qui huit cest jor vive*“.¹

Авторы некоторых других хроник, содержащих какие-либо известия об избрании Бонифация, в частности, Робер де Клари и автор Морейской хроники рисуют дело таким образом, что инициатива в избрании Бонифация Монферратского принадлежала якобы самому суассонскому совету баронов в целом.²

Достоверность показаний этих хроникеров вызывает серьезные сомнения, причем текст Виллардуэна лишь подтверждает, а не рассеивает эти сомнения.

В самом деле. Маркиз был итальянцем, в Суассоне же держали совет французские феодалы. Затем: Бонифаций до сих пор зарекомендовал себя скорее на дипломатическом, чем на военном поприще, а для руководства крестоносным предприятием нужен был человек, военные таланты которого, во всяком случае, не уступали бы его дипломатическим способностям. Не случайно сам маркиз был вначале озадачен

¹ G. Villehardouin. La conquête de Constantinople, chap. VIII, ed. A. Pauphilet. „Historiens et chroniqueurs du moyen âge“, Paris, 1938, p. 82.

² Robert de Clari. La conquête de Constantinople, chap. III—IV, ed. A. Pauphilet. „Historiens et chroniqueurs du moyen âge“, Paris, 1938, p. 15—16; Chronique de la conquête de Constantinople et de l'établissement des français en Morée, ed. J. A. C. Buchon, Paris, 1825, p. 21 (ниже сокращ. Chronique de Morée).

сделанным ему предложением.¹ Далее: в момент заседаний суассонского совета Бонифаций формально вообще не являлся еще крестоносцем: это ясно видно и из рассказа Виллардуэна² и из повествования Робера де Клари.³ Наконец, — и это особенно важно, — Бонифаций Монферратский в своей политике, как о том уже было сказано, активно поддерживал Филиппа Швабского: маркиз, как и его род в целом, были известны своими гибеллинскими симпатиями. По выражению Ф. И. Успенского, Бонифаций был „завзятым гибеллином“.⁴

Конечно, проштауфенская ориентация Бонифация Монферратского была хорошо известна баронам, обсуждавшим в Суассоне вопрос об его избрании. Это обстоятельство не только не могло повысить шансы маркиза в глазах таких сеньоров, как граф Балдуин IX Фландрский, Гуго де Сен-Поль, Луи Блуасский, Симон де Монфор, но, скорее, наоборот: позиция Бонифация в германских делах неизбежно должна была вызвать у них резко отрицательное отношение к этому неожиданному кандидату в предводителя экспедиции, участником которой он еще даже и не являлся. Почему?

Это объясняется тем положением, которое эти феодалы занимал в происходившей в то время распри Штауфенов и Вельфов в Германии. Дело в том, что в этой борьбе принимали активное участие французский король Филипп II Август и король Англии Ричард Львиное Сердце, причем Филипп II Август поддерживал Филиппа Швабского, а Ричард Львиное Сердце — своего племянника Оттона (IV). Союз двух Филиппов,⁵ возникший в 1198 г., был направлен против Англии и поддерживавших ее германских феодалов вельфской партии Оттона. Бароны же, участвовавшие в суассонских совещаниях, были тесно связаны с англо-вельфским лагерем. Еще совсем недавно, в 1198—1199 гг., они выступали в союзе с Ричардом Львиное Сердце против централизаторской политики своего сюзерена Филиппа II Августа и вместе с тем они поддерживали Оттона и его союзников, противившихся утверждению в Германии власти Штауфенской династии.

Разумеется, феодалы-крестоносцы не могли в какой-либо мере симпатизировать такому рьяному приверженцу Филиппа Швабского, германского союзника Филиппа II Августа, каким являлся Бонифаций Монферратский.

Кроме того, их отрицательное отношение к Бонифацию должно было быть тем более сильным, что последний не только являлся приверженцем штауфенского лагеря, но и был тесно связан как родственными узами,⁶ так и политическими интересами⁷ с самим ненавистным для них Филиппом II Августом. Между тем, хроники определенно сви-

¹ Robert de Clari. Ук. соч., гл. III, стр. 15: Quant li marquis oi ce, si ce mervella mult de ce que li baron de France l'avait mandé. . .

² G. Villchardouin. Ук. соч., стр. 82.

³ Robert de Clari. Ук. соч., гл. IV, стр. 16. Впрочем, иначе в Gesta Innocentii III, § 46 (ed. S. Baluzii): по сообщению папского историографа, Бонифаций дал обет отправиться в крестовый поход по первому же зову Иннокентия III.

⁴ Ф. И. Успенский. История крестовых походов. СПб., 1900, стр. 120.

⁵ См. М. А. Заборов. Союз двух Филиппов, Доклады и сообщения исторического факультета МГУ, вып. 7, М., 1948, стр. 93 и сл.

⁶ В письме к Иннокентию III от 1201 г. Филипп II Август рекомендует папе Бонифация как своего близкого родственника („carissimus consanguineus noster“), Regestum de negotio imperii, № 63, ed. S. Baluzii, p. 717. Более точные и полные сведения о родстве Бонифация и Филиппа II см. P. Scheffer-Boichorst. Deutschland und Philipp II August, „Forschungen zur deutschen Geschichte“, Bd. VIII, 1868, S. 510, Anm. 5, а также E. Faral. Ук. соч., стр. 571.

⁷ См. ниже, стр. 231 и сл.

детельствуют о том, что многие из этих баронов англо-вельфской ориентации отправились в крестовый поход, в известной мере, потому, что хотели избежать таким путем мести короля Филиппа II Августа за свой недавний союз с Ричардом Львиное Сердце, — избежать репрессий со стороны Филиппа II Августа. Достаточно в подтверждение этого привести два свидетельства: Альбрик де Труафонтен прямо говорит, что „крест взяли сеньоры, которые недавно, при жизни короля Ричарда, отпали от Филиппа“;¹ более подробное сообщение встречаем мы в Геннегауских анналах: „Балдуин, граф Фландрии и Геннегау, — читаем мы здесь, — печалась о смерти короля Ричарда и опасаясь козней французского короля, принял крест со многими баронами для того, чтобы уйти из-под его власти и избежать войны с ним“.²

Таким образом, интересы этой группы французских феодалов были враждебны политическим целям обоих Филиппов.

Все это неизбежно наталкивает на мысль о том, что французские бароны-крестоносцы, совещавшиеся в Суассоне, не могли по собственной инициативе выдвинуть на пост предводителя крестовного войска Бонифация Монферратского. Связи маркиза с домами Штауфенов и Капетингов делали его фигуру в высшей степени одиозной для недавних приверженцев англо-вельфской партии, происхождение же и личные качества Бонифация не давали им никакого повода для его избрания.

Факт, однако, остается фактом: Виллардуэн предложил кандидатуру итальянского маркиза, французские феодалы избрали его. При этом, как можно видеть из лаконичного сообщения Виллардуэна (намеренная краткость — характерный прием этого хрониста-политика, к которому он прибегает обычно в тех случаях, когда ему необходимо скрыть историческую правду), — „избрали“ не очень охотно. Хронист пишет, что бароны долго пререкались („много было сказано слов за и против“ — „avant et arriere“), прежде чем согласиться с его предложением. Колебания и сомнения баронов понятны, если иметь в виду приведенные выше соображения: ясно, что имя Бонифация Монферратского, произнесенное маршалом Шампанским, не могло импонировать французским баронам, собравшимся в Суассоне. И, однако, повторяем, в конце концов они все же согласились с предложением Виллардуэна.

III

Мы уже указывали, что сам хронист нигде не раскрывает мотивов своих действий в отношении Бонифация Монферратского. Не раскрывает он также и того, что же побудило Балдуина Фландрского и других приверженцев англо-вельфской партии принять кандидатуру „завязтого гибеллина“. Ответ на эти вопросы дают другие источники. Они показывают, что на поведение маршала Шампанского и бывших мятежных вассалов Филиппа II Августа повлияла одна „посторонняя“ сила и что именно вследствие этого их мнения и голоса были отданы представителю политических интересов, чуждых этим баронам.

¹ Albrici Trium Fontium Monachi Chronica. Monumenta Germaniae historica, Scriptores (далее цитируется: MGH SS) t. XXIII, p. 877.

² Jacobi de Guisia Annales Hannoniae. MGH SS, t. XXX, p. 241. Характерно, что бельгийский историк М. Walraet (Actes de Philippe I-er dit le Noble, Bruxelles, 1949, p. 64) категорически отрицает наличие у Балдуина Фландрского каких-либо политических мотивов для выступления в крестовый поход: оказывается, его влек к себе лишь „восточный мираж“.

Этой силой, оказавшей решающее влияние на баронов в вопросе избрания Бонифация, был нажим самого Филиппа II Августа.

Нам известны три хроники, авторы которых знают о прямом или косвенном вмешательстве, точнее сказать — давлении французского короля, которое предшествовало избранию Бонифация вождем похода. Вот что гласят показания этих хроник.

Анонимный составитель „Деяний Иннокентия III“ пишет: „Графы и бароны по совету короля Франции (разрядка наша. — М. Э.) призвали Бонифация, маркиза Монферратского“.¹

В итальянской хронике Созомена из Пистории мы находим аналогичное объяснение этого факта: „Князя по совету короля франков (разрядка наша. — М. Э.) избрали Бонифация, маркиза Монферратского, вождем христиан“.²

Наконец, уже упоминавшаяся Морейская хроника хотя и дает несколько иной вариант событий, но сохраняет существенную основу известий двух первых источников. Согласно Морейской хронике, последовательность событий была такова: сперва французские бароны через послов обратились к Бонифацию Монферратскому с просьбой взять на себя предводительство вместо скончавшегося графа Тибо Шампанского; маркиз якобы ответил послам, что он должен сначала выяснить, желает ли этого король Франции. Он едет во Францию, и король одобряет выбор баронов: „Что до меня, то мне весьма по душе сделанное Вам предложение, и я считаю, что Вы должны принять его как можно скорее“.³ В ответ на это, „маркиз склонил голову и почтительно приветствовал короля“.⁴

Несмотря на то, что в сообщении Морейской хроники имеется доля вымысла (например, сестра Бонифация Монферратского названа супругой Филиппа II Августа), а также хронологические неточности (хронист относит избрание Бонифация ко времени, предшествующему переговорам уполномоченных крестоносцев с Венецией, т. е. еще до смерти Тибо Шампанского), все же, и по данным этого памятника, Филипп II играет большую роль в избрании Бонифация вождем крестоносцев. Следовательно, известие Морейской хроники несколько не подрывает правдивости сообщений двух первых источников — „Деяний Иннокентия III“ и хроники Созомена из Пистории.

Из всего этого с очевидностью вытекает одно (и именно это, по причинам, теперь вполне понятным, скрыл в своем сочинении Виллардуэн): мотивы, которые заставили его выдвинуть кандидатуру Бонифация Монферратского, а остальных баронов в Суассоне — принять ее, были весьма „своеобразного“ свойства: *consilium regis Franciae* — вот что оказало влияние на Виллардуэна и разрешило сомнения баронов, которым маркиз не внушал какого-либо доверия. Именно этот *consilium* Филиппа II Августа покончил с их колебаниями и побудил их преодолеть свои неприязненные чувства к итальянскому князю. Бонифаций Монферратский был обязан своим избранием французскому королю Филиппу II Августу.

¹ *Gesta Innocentii III*, § 83, ed. Epist. Innocentii III etc., t. I, p. 43—44: *Comites et barones cum consilio regis Franciae vocaverunt Bonifacium Marchionem Montisferrati*.

² *Sozomeni Pistoriensis Historia, Rerum Italicarum Scriptores*, t. I, Florentiae, 1748, p. 82: *Principes de regis Francorum consilio Bonifacium Montis Ferrati Marchionem christianorum ducem elegerunt*.

³ *Chronique de Morée*, p. 29.

⁴ Там же.

IV

В связи с этим обстоятельством, несколько приоткрывающим завесу над не вполне до сих пор уясненной предисторией похода, естественно возникает вопрос о том, какие цели преследовал Филипп II своим вмешательством в крестоносные дела, давлением на участников суассонского совета, рекомендацией баронам маркиза Монферратского?

Отвечая на этот вопрос, следует принять во внимание прежде всего факт существования в это время уже упоминавшегося выше „союза двух Филиппов“. Филипп II Август, несомненно, хотел оказать дипломатическую поддержку своему германскому союзнику. Об этом свидетельствует последующая дипломатия Филиппа II Августа, который в конце 1201—начале 1202 г. использовал Бонифация Монферратского в качестве доверенного лица.

В сентябре 1201 г. маркиз Монферратский прибыл во Францию. Здесь он принял звание вождя крестоносцев.¹ Во время его пребывания во Франции происходили переговоры между ним и Филиппом II Августом. Это видно, во-первых, из того, что в письме к папе от конца 1201 г. Филипп II, рекомендуя маркиза как своего близкого родственника, просит Иннокентия III вполне довериться устным пояснениям, которые даст маркиз: „По всем этим вопросам, — пишет папе Филипп II, — Вы можете вполне довериться нашему дражайшему родственнику маркизу Монферратскому, действующему от нашего имени“.² Во-вторых, в своем ответе Филиппу II папа сообщает, что Бонифаций от имени Филиппа II сделал ему устно некоторые предложения: „Мы получили твое письмо и приняли к сведению то, что возлюбленный сын наш, знатный муж маркиз Монферратский предложил нам устно (viva voce) от твоего имени“.³ Оба эти текста с очевидностью показывают, что Филипп II беседовал с маркизом и снабдил его „инструкциями“ для переговоров с папой.

Из письма Филиппа II к папе явствует, далее, что Бонифаций Монферратский, действуя в качестве уполномоченного Филиппа Швабского, добился того, что французский король предпринял попытку воздействовать на папу с целью заставить его изменить свое отношение к германским делам в пользу Филиппа Швабского (Иннокентий III в тот момент стоял на стороне Оттона). Действительно, — дальнейший ход событий был таков. Покинув Францию, маркиз отправился в Германию. Встретившись в конце декабря 1201 г. с Филиппом Швабским в Гагенау,⁴ он, как можно предполагать, сообщил ему об успешных результатах своего пребывания при французском дворе: он, маркиз, не только избран вождем крестоносцев благодаря содействию Филиппа II, но более того: Филипп II вручил ему, Бонифацию, письмо к Иннокентию III, которое может оказаться весьма полезным для Филиппа Швабского.

Это письмо Бонифаций передал Иннокентию III в начале марта 1202 г. В письме содержался протест против папской политики в Германии. Филипп II Август не только выражал свое недовольство тем, что Иннокентий III „старается всеми средствами через своих нунциев и легатов доставить Оттону императорскую власть“,⁵ не только указывал,

¹ G. Villehardouin. Ук. соч., гл. IX, стр. 43—45.

² Regestum de negotio imperii, № 63.

³ Там же, № 64.

⁴ J. F. Böhmér. Regesta imperii, Stuttgart, 1847, S. 13.

⁵ Regestum de negotio imperii, № 63.

что „такое возвышение (Оттона), которому Вы намереваетесь необдуманно содействовать, явится обидой французскому королевству“, но и прямо угрожал папе принять меры в случае, если он „станет упорствовать в своем образе действий“.¹ О том, что Бонифаций Монферратский, находясь в Риме, должным образом комментировал это письмо, не может быть двух мнений.

Из изложенного явствует, что рекомендация баронам Бонифация в качестве вождя крестового похода и своего рода ультиматум Филиппа II папе были меропрятиями одного и того же порядка. Цель того и другого состояла в оказании поддержки германскому союзнику Филиппа II Августа дипломатическим путем.

Бонифаций в Риме представлял интересы обоих Филиппов. При этом от имени Филиппа II Августа он заявил протест против содействия папы Оттону, а от имени Филиппа Штауфена изложил проект использования крестоносцев для захвата Византии, о чем сам Иннокентий III писал позднее византийскому императору Алексею III и о чем сообщает также анонимный папский историограф.² Филипп II и Филипп Швабский через Бонифация Монферратского одновременно предприняли дипломатические усилия в Римской курии, причем взаимное переплетение обеих линий этой дипломатии совершенно очевидно. В самом деле: Филипп II добивается избрания маркиза Монферратского вождем крестового похода; сразу же после этого он поручает маркизу выступить в пользу Филиппа Швабского перед Римской курией; Бонифаций из Франции едет ко двору Филиппа Швабского, а оттуда — в Рим, везя с собой предложения Иннокентию III об использовании крестоносцев для захвата Византии. Связь этих фактов, думается нам, несомненна.

Но исчерпывались ли цели Филиппа II Августа, навязавшего крестоносным баронам Бонифация, одной лишь поддержкой политики его германского союзника в крестовом походе (разумеется, эта поддержка являлась лишь составной частью политики Филиппа II Августа во Франции, направленной на собиранье и объединение французских земель под эгидой королевской власти)? Не питал ли сам французский король каких-нибудь захватнических замыслов по отношению к Византии? И если это было так, то не являлась ли рекомендация им Бонифация Монферратского на пост предводителя крестоносного войска политическим ходом, рассчитанным на получение непосредственных выгод от крестового похода для самой королевской власти во Франции?

Трудно дать категорический ответ на эти вопросы. Более чем скудные известия хроник позволяют лишь предполагать, что капетинский король, подобно Филиппу Швабскому, непрочь был попытаться протянуть и свою руку к ослабевшей Византии. Вполне возможно, что он хотел оживить тайные надежды своего отца, Людовика VII, который стремился путем династического брака обеспечить Капетингам определенные права на византийский престол: с этой целью Людовик выдал в 1180 г. свою дочь, сестру Филиппа II, Агнесу за сына императора Мануила — Алексея (II).³ Не случайно современный историк приписывает Филиппу II Августу заявление, обличающее непомерные притязания французского короля: „одного человека до-

¹ Regestum de negotio imperii, № 63.

² Epist. Innocentii III, lib. V, № 122, p. 673; Gesta Innocentii III, § 83, p. 43—44. См. подробнее М. А. Заборов. Папство и захват Константинополя, стр. 160 и сл.

³ Robert de Torigni. Chronique, publ. par L. Delisle, t. II, Rouen, 1873, p. 87; Robert de Clari. Уж. соч., гл. XIX; F. Dölger. Regesten der Kaiserurkunden des öströmischen Reiches, 2. Teil, № 1531, München—Berlin, 1925, S. 87.

вольно, чтобы управлять всем миром¹. Однако каких-либо более конкретных данных о планах Филиппа II Августа в отношении Византии источники, имеющиеся в нашем распоряжении, не содержат.

Так обстоит дело с вопросом о целях, с которыми Филипп II „посоветовал“ крестоносцам „избрать“ своим предводителем Бонифация Монферратского.

V

Причины „успеха“ Бонифация Монферратского нельзя, однако, сводить только к тому, что выдвижение его кандидатуры соответствовало намерениям Филиппа Швабского и его французского союзника — Филиппа II Августа. По многим причинам она устраивала также и Иннокентия III, и Венецию, которой, как известно, принадлежала главная роль в истории четвертого крестового похода. Алчный и корыстолюбивый честолюбец,² маркиз Монферратский не был лишен дипломатических способностей, — обстоятельство, которое должно было быть принято в соображение теми, кто строил на крестоносном предприятии определенные политические расчеты. Далее: в силу своих родственных связей Бонифаций Монферратский был заинтересован в агрессивной политике крестоносцев на Востоке³ — это также могло иметь немалое значение при выборе вождя крестоносцев.

Но особенно должно было привлекать венецианцев — основных *actores rerum* похода — то обстоятельство, что Бонифаций, подобно им самим, был далеко не чужд агрессивных намерений по отношению к Византийской империи.

Бонифаций Монферратский стремился к захвату земель на Балканском полуострове. Тотчас после завоевания крестоносцами Константинополя он предъявит требование о передаче ему Фессалоники с округой.⁴ Возможно даже, что маркиз Монферратский питал и гораздо

¹ *Historia regum Francorum. Recueil des historiens des Gaules et de la France*, t. XVII, p. 426.

² Заметим, что J. Longnon (Ук. соч., стр. 28) — в соответствии со своей общей тенденцией к крайней идеализации крестоносцев и их вождей — рисует облик Бонифация Монферратского исключительно в светлых тонах: вождь крестоносцев, в его изображении, не только благочестив, обходителен, великодушен, „щедр ко всем“ (III), но и к тому же он — „покровитель слабого против сильного“ и т. п. Гораздо более верно судил о маркизе Монферратском D. Brader (Ук. соч., стр. 170, прим. 40а), справедливо считавший, что к участию в крестовом походе Бонифация „побуждали отнюдь не идеальные мотивы“. Поведение маркиза Монферратского во время крестового похода и особенно накануне, во время и после взятия Константинополя, факты, передаваемые на этот счет Виллардуэном, Робером де Клари, Никитой Хониатом и другими источниками, полностью опровергают заведомо лживую характеристику, даваемую Ж. Лоньоном одному из наиболее хищных вождей феодального войска крестоносцев.

³ Отец Бонифация — Вильгельм III Монферратский принимал участие во втором крестовом походе. Старший брат Бонифация — Вильгельм Длинный Меч был женат на сестре Иерусалимского короля Балдуина IV и являлся графом Яффы и Аскалона, а Балдуин V, провозглашенный королем Иерусалимским в 1185 г., приходился маркизу племянником. Ср. E. Faral. Ук. соч., стр. 571. Другой его брат Конрад Монферратский владел Тиром и получил известность яростного защитника его в борьбе против Салах-ад-Дина в 1187 г. См. R. Röhrich. Beiträge zur Geschichte der Kreuzzüge, Bd. I, Berlin, 1874, S. 133 ff., 150 ff. В 1192 г. Конрад, участвовавший в третьем крестовом походе, при содействии Ричарда Английского получил корону Иерусалимского королевства. См. T. Ilgen. Markgraf Conrad von Montferat, Marburg, 1880, S. 119 ff.

⁴ O. Tafrali. Thessalonique au quatorzième siècle, Paris, 1913, p. 9. Существует предположение о том, что передача Бонифацию Фессалоники и других областей будущего Фессалоникийского королевства была предусмотрена уже в договоре

более далеко идущие замыслы. Характерно, что, как сообщает Гюнтер Перисский, после взятия Константинополя оставшееся в городе население встречало Бонифация возгласами „святой император и маркиз“,¹ — вероятно, в греческой столице знали о честолюбивых намерениях Бонифация. Действительно, в 1204 г. его имя будет фигурировать в списке кандидатов на престол Латинской империи. Тотчас после водворения на константинопольском престоле Балдуина IX Фландрского Бонифаций поспешит жениться на вдове Исаака II Ангела.²

При этом у Бонифация не было недостатка в формальных предложениях для „обоснования“ своих захватнических планов в Византии. Его брат Райнерий Монферратский был женат на дочери византийского императора Мануила—Марии (1179),³ и маркиз Бонифаций должен был наследовать приданое своей невестки—Фессалонику.⁴ Другой брат его, упомянутый выше Конрад Монферратский, одно время занимал видное положение при византийском дворе: в 1187 г. он женился на сестре Исаака II Ангела—Феодоре⁵ и оказал большие услуги своему тестю при подавлении мятежа Алексея Враны.⁶

Понятно поэтому, что Бонифаций должен был стать сторонником „восстановления“ Ангелов в Византии, на правах родственника которых он получал шансы удовлетворить свои „наследственно-территориальные“ притязания на Балканах, и, может быть, даже пробраться к власти в Византии. Бонифаций тем более настойчиво должен был стремиться к захватам в Византии, что его постигли крупные неудачи в борьбе с городскими коммунарами в собственных владениях.⁷

Все эти обстоятельства, вместе взятые, создавали чрезвычайно благоприятные условия для вовлечения Бонифация Монферратского в интриги, связанные с „восстановлением“ на константинопольском престоле Исаака II Ангела: как известно, именно „узурпация“ Алексея III по-

о разделе империи, заключенном между вождями четвертого крестового похода в 1204 г. Ср. P. Lemerle. *Philippe et la Macédoine orientale*, Paris, 1945, p. 180.

¹ Guntheri Parisiensis *Historia Constantinopolitana*, J.-P. Migne, *Patr. lat.*, t. CCXII, col. 245.

² G. Villehardouin. *La conquête de Constantinople*, chap. LVIII, ed. cit., p. 131; Nicetae Choniatae *Historia*, p. 792.

³ Nicetae Choniatae *Historia*, lib. V, VII, p. 222, 261.

⁴ Известие о том, что Фессалонику была дана в приданое Марии Комнен, дочери Мануила, мы находим в двух источниках: об этом, во-первых, пишет французский хронист Robert de Torigni. Ук. соч., стр. 87: *Manuel imperator Constantinopolitanus dedit Rainerio, filio Willermi principis Montis Ferrati, filiam suam... et dedit ei honorem Thesolonicensium...*; во-вторых, аналогичное сообщение содержится в хронике хорошо осведомленного итальянского историка Sicardi episcopi Cremonensis *Chronicon* (MGH SS, t. XXXI, p. 173), где указывается, что Райнерий *promissam imperialem filiam cum Salonichensi corona suscepit*. Ф. И. Успенский (*История Византийской империи*, т. III, М.—Л., 1948, стр. 251) говорит вообще о „богатых поместьях“, полученных принцем Монферратским „вместе с рукою царской дочери“. Факт пожалования Мануилом земель представителям рода маркизов Монферратских засвидетельствован и в других памятниках: Никита Хонят (Ук. соч., стр. 261), правда, несколько глухо, упоминает о пожалованиях Вильгельму III Монферратскому каких-то земель. Ср. F. Dölger. Ук. соч., стр. 86. Далее, в 1204 г. Бонифаций отказался в пользу Венеции *de toto feudo quod Manuel quondam defunctus imperator dedit patri meo* (G. L. Tafel und G. M. Thomas. Ук. соч., т. I, стр. 513). Небезинтересно отметить, что уже в начале 80-х годов XII в. Бонифаций Монферратский, возможно, находился в Константинополе, где поддерживал „права“ Райнерия на Фессалонику. См. об этом D. Brader. Ук. соч., экскурс II, стр. 182—184.

⁵ Nicetae Choniatae. *Historia*, p. 497—498; F. Dölger. Ук. соч., № 1531, стр. 92. Подробно у T. Ilgen. Ук. соч., стр. 70 и сл.

⁶ D. Brader. Ук. соч., стр. 170, прим. 40а.

⁷ Там же.

служила в 1203—1204 гг. формальным поводом для „поворота“ крестоносцев на Константинополь *ad justitiam judicandam*.¹ И маркиз Монферратский впоследствии оправдал возлагавшиеся на него надежды.²

* * *

Таким образом, можно сказать, что тайные замыслы феодалов и феодальных государств Запада, направленные против Византии, получили новую благоприятную возможность для своей реализации благодаря вмешательству в события подготовительного этапа четвертого крестового похода Филиппа II Августа. В подготовке грабительского похода, направленного против Византии, приняли участие не только Венеция, штауфенская Германия и папство: Франция — в лице Филиппа II Августа — также оказала „посильное“ содействие его осуществлению.

Описанные события представляют интерес для изучения истории международных отношений и дипломатии в конце XII—начале XIII в. и их роли в организации похода западноевропейских феодалов против Византии. Анализ этих событий расширяет наши представления о тех силах феодального Запада, которые объединились для разбойничьего нападения на Константинополь, показывает, что четвертый крестовый поход с самого начала был задуман как агрессивное предприятие различных феодальных группировок многих стран Западной Европы против Византии.

¹ Выражение Иннокентия III (*Epist. Innoc. III, lib. I, № 353*).

² Небезинтересно сообщение Робера де Клари (*Ук. соч., гл. XXXIII, стр. 26*) о том, что Бонифаций Монферратский питал враждебные чувства к Византии потому, что желал будто бы отомстить за вероломное поведение Исаака II Ангела по отношению к Конраду Монферратскому (после подавления мятежа Алексея Враны). Хронист отмечает, что маркиз Бонифаций особенно рьяно стремился к походу на Константинополь, что он больше, чем кто-либо другой из вождей похода, хотел перемены его направления (*li marquis de Montferrat y metoit plus peine que nul qui y fust, d'aler en Constantinople*). Несомненно, что Робер де Клари верно подметил активность предводителя крестоносцев при осуществлении похода на Константинополь, но он не мог объяснить ее подлинную подоплеку. Нужно учитывать, что Робер де Клари, как участник похода, был представителем рядового рыцарства, а среди массы крестоносцев были распространены темные слухи о старых распрях Конрада Монферратского с византийским императором, слухи, которые принимались в качестве объяснения поведения Бонифация и которые передает хронист. Важно, однако, что в рассказе последнего, хотя и в фантастической форме, получили отражение реальные, чисто захватнические намерения Бонифация Монферратского по отношению к Византии.